

УДК94(47).084.3+281.93+322

С.Г. ПЕТРОВ

**СОПРОТИВЛЕНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСТВУ В КАРЕЛИИ:
ПРОТЕСТЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ ПЕТРОЗАВОДСКА
(1922–1923 гг.)***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет
e-mail: petrov_istochnik@mail.ru

Исследование посвящено изучению проблемы сопротивления духовенства и верующих двух храмов Петрозаводска насаждаемому большевиками обновленческому расколу. В центре внимания в статье – протестные документы, присланные из Карелии в Москву, и ответная реакция советского руководства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, обновленчество, Карелия, Петрозаводск, епископ Евфимий (Лапин).

Обозначенная проблема привлекла внимание автора данной статьи еще в середине 1990-х гг., когда под руководством академика Н.Н. Покровского готовились два тома документов «Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.». Тогда мы опубликовали по-губернскую сводку VI отделения Секретного отдела ГПУ от 14 сентября 1922 г. со сведениями о начальном периоде обновленческого церковного раскола, когда духовенство и верующие должны были определиться, являются ли они приверженцами арестованного к тому времени патриарха Тихона или адептами новой «советской» обновленческой церкви, называемой в тот момент «Живой церковью». По замыслам большевиков, внедряемый в Русскую Православную Церковь

раскол должен был взорвать ее изнутри, поставив под контроль власти, которая стремилась к ликвидации крупнейшей в стране конфессии.

Из сводки следовало, что чекисты Карелии весьма успешно приступили к решению поставленных задач. После увольнения обновленческим Высшим церковным управлением (ВЦУ) местного епископа Евфимия (Е.Н. Лапина)¹, в Петрозаводске 1 августа 1922 г. прошло собрание городского духовенства, которое под влиянием уполномоченного ВЦУ протоиерея П.В. Дмитриева согласилось с произошедшими изменениями и приняло постановление о создании

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

¹ Это произошло 19 июля 1922 г. на заседании ВЦУ, определением которого Евфимий был уволен с Олонецкой кафедры «за контрреволюционную скверну» без подачи прошения об отставке [1, с. 249].

обновленческого епархиального управления. В противовес этим решениям оставшиеся верными патриарху Тихону верующие провели «демонстративный крестный ход “в защиту старой церкви”», организованный священником Г.И. Гумилевым. После этого ГПУ поспешило арестовать выдавших себя «контрреволюционных элементов» – епископа Евфимия (Е.Н. Лапина), протоиерея В.Т. Хазова, священника Г.И. Гумилева и мирян – братьев В.Н. и С.Н. Подколызных. Подведя итог своей деятельности, чекисты сообщали: «На обвиняемых имеется крепкий изобличающий материал. Дело передано в трибунал. Отношение масс к операции спокойное» [2, с. 322–323].

До публикации этой сводки в историографии, в основном церковной, бытовало мнение, что в Петрозаводске в образованную протоиереем П.В. Дмитриевым группу «Живая церковь» вошли духовенство и, как нигде более, – большинство мирян, которые после отказа епископа Евфимия признать обновленческое ВЦУ, организовали собственное управление, вставшее во главе в епархии [1, с. 244–245]. За прошедшее время после выхода «Архивов Кремля» описанный в сводке ГПУ сюжет был детально проработан московскими, петербургскими и карельскими исследователями, опиравшимися в основном на материалы из республиканских и местных чекистских архивов [3; 4; 5]². Вместе с тем вне поля зрения историков все еще остается массив документов, теснейшим образом связанный с данным сюжетом и находящийся в ГАРФ, в фонде постоянной Центральной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР³.

В отличие от уже известных источников, вводимый нами в научный оборот массив документов из этого архивного фонда отражает непростую борьбу мирян и приходских советов кафедрального Свято-Духовского собора и заводской Александро-Невской церкви Петрозаводска за право без вмешательства извне решать проблему своей конфессиональной принадлежности. Выявленные документы дают видение происшедшего не глазами большевистских чиновников и чекистских функционеров, а православных верующих, отреагировавших на события не столь спокойно, как представлялось ГПУ в сентябре 1922 г.

Напомним, хотя бы кратко, хорошо известный в историографии сюжет. В середине октября 1922 г. арестованные духовенство и миряне были выпущены на свободу под подписку о невыезде. Спустя два месяца, в честь пятилетия октябрьского переворота большевиков Карельский ревтрибунал амнистировал их и вообще закрыл дело. Однако президиум Карельского исполкома в конце декабря 1922 г. постановил выселить епископа Евфимия, протоиерея Хазова, священника Гумилева,

мирян Подколызных за пределы Карельской трудовой коммуны не менее чем на 5 лет – в Сибирь. Он обратился с этой просьбой в соответствующую комиссию НКВД, а до получения ее решения распорядился по-прежнему содержать недавних подследственных под стражей в местном отделе ГПУ. Комиссия НКВД по административным высылкам 30 марта 1923 г. согласилась с карельскими большевиками и отправила находившихся под арестом епископа, двух священников и двух мирян на три года в Нарымский край.

В силу того, что иереи Гумилев и Хазов состояли в причте Александро-Невской церкви, братья Подколызины являлись членами приходского совета Свято-Духовского собора, а епископ Евфимий после выхода в октябре 1922 г. на свободу служил в обоих храмах, прихожане кафедрального собора и заводской церкви проявили поразительную активность в происшедших событиях, сочтя необходимым после второго ареста послать в Москву два протестных документа⁴. Датированные 14 января 1923 г., они были направлены в V отдел НКЮ, отвечавший за осуществление отделения церкви от государства. Посланные протесты составители оснастили обширным приложением в виде копий с исполкомовских, чекистских и церковных документов, призванных подтвердить все происшедшее в Петрозаводске⁵.

Поводом для написания первого протеста стали два отношения из Карельского отдела ГПУ, доставленные в кафедральный собор уполномоченным обновленческого ВЦУ протоиереем П.В. Дмитриевым. В первом из них от 4 января 1923 г. говорилось, что все написанное во втором документе «каждому Приходскому Совету должно быть прочтено и по ознакомлении приходского совета председатель должен расписаться»⁶. Из второго же следовало, что с 29 декабря 1922 г. все церковные собрания разрешались чекистами только после того, как их проведение одобрит обновленческое епархиальное управление⁷. Признавая данное требование местного ГПУ ошибкой, кафедральный приходской совет считал, что обновленцы таким правом не обладают и их притязания являются противозаконными. Верующие писали: «...Епархиальное-же Управление не есть юридическое лицо[,] и никакими административными, или судебными функциями не пользуется, следовательно[,] и давать разрешение на собрания верующих не имеет права, тем более Епархиальное Управление в Петрозаводске является от Живой церкви, к которой группа верующих Петрозаводскаго Каф[едра]льного собора не принадлежит, и[,] по мнению Приходского Совета[,] притязания Епархиального Управления является некоторого рода насилием вопреки декрета об отделении церкви от государства». Согласно протесту, V отдел НКЮ должен был разъяснить верующим правильность понимания ими норм советского законодательства в данной сфере⁸.

² См., например: Дело епископа Евфимия (Лапина) и др., г. Петрозаводск, 1922–1923 гг. – URL: http://kuz1.pstbi.ceas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/cnt/ans/newmr/?NYZ9EJxGHoxITcuje... (дата обращения: 23.02.2011 г.); Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века: Евфимий (Лапин Евгений Николаевич). – URL: <http://www.pstbi.ru/bin/nkws.exe/koi/nm/?NYZ9EJxGHoxITcDUsuyjfe9fdMGZeu-y...> (дата обращения: 23.02.2011 г.); и др.

³ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 60–49.

⁴ Там же. Л. 56, 54–54 об.,

⁵ Там же. Л. 55–55 об., 53–49.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 55 об.

⁸ Там же. Л. 56.

Во втором документе, названном ходатайством, приходские советы двух обозначенных выше храмов излагали свое видение всего произошедшего с августа 1922 г. Из этого документа становится понятно, почему местный отдел ГПУ запретил в конце декабря проводить церковные собрания, не санкционированные обновленцами. После ареста владыки Евфимия епархия осталась без архиерея: обещанный на его место уполномоченным ВЦУ обновленческий архиепископ Александр (А.П. Надежин) все никак не мог добраться до Петрозаводска. В ходатайстве уставшие от ожидания приходские советы излагали это так: «...местный епархиальный уполномоченный свящ[енник] П. Дмитриев более трех месяцев вводил верующих в заблуждение о времени прибытия в Петрозаводск епископа Александра, говоря, что вот епископ сегодня, завтра – на этой или на будущей недели – прибудет, а на самом деле оказалось, что ожидаемый епископ Александр уже назначен на новое место служения в г. Тверь[,] где и в настоящее время находится»⁹.

Используя чрезвычайное недовольство всех без исключения храмов Петрозаводска сложившейся ситуацией, составители ходатайства, испросив разрешения у местных властей, инициировали выборы правящего архиерея, на место которого общим собранием вновь был избран освобожденный из-под ареста Евфимий. Они сообщили об этом V отделу НКЮ следующим образом: «Верующие г. Петрозаводска не могли более оставаться без епископа и в числе на[ме]ченных кандидатов был бывший до Живой церкви епископ Евфимий. Прежде чем приступить к выборам епископа Евфимия[,] Приходский совет Кафедрального собора испросил согласия местных властей, что видно из прилагаемой у сего копии[,] и епископ Евфимий не только верующими одного Кафедрального собора, но и верующими остальных церквей города был избран вновь епископом Петрозаводска»¹⁰.

Несомненно, проведенными выборами, столь традиционными для мирян Русского Севера, приверженцы патриарха Тихона выбили почву из-под ног карельского апологета обновленчества протоиерея П.В. Дмитриева. Поэтому местный отдел ГПУ и поспешил запретить проведение без разрешения раскольников «всякого рода собраний, устраиваемых приходскими советами». Ощутили это и сами организаторы возвращения Евфимия на олонекскую кафедру. Они писали: «Но этими выборами недовольствовался только один Епархиальный уполномоченный Живой церкви свящ[енник] П. Дмитриев, который и поспешил не точно осветить данный факт пред своим Высшим Духовным Управлением, указав между прочим, что происходят волнения среди верующих, вероятно разумея под этим сообщением свой единоличный протест против указанных выборов»¹¹.

Разоблачая подобного рода заблуждения обновленческого протоиерея, члены приходского совета кафедрального собора предупредили об этом заранее

прокурора Карельской трудовой коммуны¹². Их предчувствие, что о. П.В. Дмитриев обратится по данному вопросу к гражданской власти, подтвердилось в конце декабря 1922 г., когда ГПУ вновь арестовало амнистированных ранее епископа Евфимия, протоиерея Хазова, священника Гумилева, мирян Подколызиных¹³. Попытки ходатайствовать перед местной властью об освобождении арестованных не были успешными, поэтому приходские советы кафедрального собора и заводской церкви решили обратиться на самый верх властной большевистской вертикали с просьбой отменить декабрьское 1922 г. постановление президиума Карельского исполкома об аресте и высылке обвиняемых по делу епископа Евфимия или же назначить «особую следственную комиссию по этому делу для освещения истины»¹⁴.

В подтверждение сообщенного в протестах их составители приложили упомянутые уже отношения Карельского отдела ГПУ о запрете на проведение церковных собраний, а также копии своих запросов от 7 декабря 1923 г. прокурору Карельской трудовой коммуны с воспроизведением полученных от него резолюций. В этих резолюциях верующим указали, что прокуратура в церковную жизнь не вмешивается, постановления обновленческого ВЦУ не являются обязательными, а за общинами сохраняется право выбирать епископов и священников. Спрашивали прихожане и о том, «является ли поминание патриарха Тихона знаком явной политической контр-революции». Ответ был такой: «По сколько Тихон является Контр-революционером и поминание его может вызвать движение темных масс во имя его мнимого мученичества, ответственность за это движение падет на церковников»¹⁵. Несмотря на предупреждение, приходской совет кафедрального собора все же решил возносить имя патриарха на богослужениях. По всей видимости, это было условием служения в соборе преосвященного Евфимия и стало причиной нового ареста и дальнейшей высылки самого владыки и его «подельников» как «вредных элементов», для которых «К[арельская] Т[рудовая] К[оммуна] является благоприятной ареной для их контр-революционной агитации»¹⁶.

Если учитывать сведения из приложенных к ходатайству других документов (имеются в виду только два из них – выписки из журнала заседания приходского совета Свято-Духовского собора от 14 декабря 1922 и 2 января 1923 г.), то ко всему вышеизложенному можно добавить следующее. Еще до избрания общим собранием прихожан Евфимия на олонекскую кафедру имя патриарха Тихона стали помянуть в соборе Петрозаводска (22 декабря чекисты запретили это) и, естественно, отменили поминание ставленника ВЦУ и протоиерея П.В. Дмитриева – обновленческого архиепископа Александра. В качестве неперемennого условия пребывания в составе причта собора руководство прихода выдвигало

⁹ Там же. Л. 54.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 53–53 об.

¹³ Там же. Л. 52.

¹⁴ Там же. Л. 54.

¹⁵ Там же. Л. 53–53 об.

¹⁶ Там же. Л. 52.

нуло требование к духовенству – не состоять в рядах «Живой церкви». По поводу получаемых от протоиерея П.В. Дмитриева документов приходской совет одно-значно решил «просить последнего не вмешиваться во внутренние дела Каф[едра]льного собора»¹⁷.

Необходимо отметить также, что всплеск протестных настроений верующих двух петрозаводских храмов был, по-видимому, спровоцирован конкретным поводом – отказом президиума Карельского исполкома освободить хотя бы временно из-под ареста архиерея и двух священников на Рождество Христово для совершения праздничных богослужений. Этот отказ, зафиксированный в выписке из протокола заседания президиума исполкома Карельской трудовой коммуны от 5 января 1923 г., авторы ходатайства в НКЮ тоже приложили к отправленным в Москву документам¹⁸.

Как быстро петрозаводские документы попали в столицу, сказать трудно. В проставленных на них рукой помощника заведующего V отделом НКЮ В.А. Шумова пометках даты, к сожалению, отсутствуют. Рукописный входящий номер и на одном, и на другом протесте тоже указан без дат. Однако чтобы ответить на вопросы верующих Карелии, наркомостовский чиновник был вынужден отправить документы на рассмотрение в ГПУ, начальнику VI отделения Секретного отдела Е.А. Тучкову. Составленный В.А. Шумовым секретный запрос имеет точную дату, правда, очень удаленную от описываемых событий – 30 мая 1923 г. В данном запросе он писал: «5-ый Отдел Н.К.Ю. просит Г.П.У. сообщить истинные причины высылки указанных служителей (епископа Евфимия, протоиерея Хазова, священника Гумилева. – С.П.) и о положении этого дела в настоящее время, а равно разследовать факт издания Кароблотделом Г.П.У. постановления, ограничивающего права религиозных групп на собрание и сообщить по этому поводу Ваше заключение»¹⁹.

В совершенно секретном ответе ГПУ от 11 июня 1923 г., который, очевидно, был продублирован от имени НКЮ и в Петрозаводск, начальник Секретного отдела Т.Д. Дерибас и его VI отделения Е.А. Тучков сообщили В.А. Шумову, что интересующее его духовенство постановлением комиссии НКВД по высылкам отправлено на три года в Нарымский край «за антисоветскую деятельность, т. е. за преступление предусмотренное 73 ст[атьей] Угол[овного] Код[екса]»²⁰. В отношении же распоряжения Карельского отдела ГПУ приходским советам о проведении церковных собраний

московские чекисты приняли следующее решение: они сочли его не обоснованным и немедленно отменили²¹. Столь запоздалое признание ошибки карельских чекистов никакой роли уже не играло, в Петрозаводске к середине июня 1923 г. утвердился добравшийся наконец-то до города обновленческий архиепископ Александр.

Благодаря анализу введенного в научный оборот в настоящей работе комплекса документов, хранящегося в ГАРФ, рассмотрены проблемы конфессиональной самоидентификации православных прихожан двух храмов Петрозаводска в тяжелейших условиях насильственно внедряемого советскими чиновниками и чекистами обновленческого раскола. Выявленные документы, в том числе и самих верующих, отражают непростую историю борьбы мирян и приходских советов кафедрального Свято-Духовского собора и заводской Александровской церкви за право без вмешательства извне решать проблему своей конфессиональной принадлежности. Отстаивая традиционные религиозные ценности, противодействуя новациям «советской» обновленческой церкви, они весьма активно использовали испытанный веками прием – подачу протестных документов на самый верх властной вертикали. При этом важнейшим аргументом в поддержку правильности принятых решений, в частности, в отношении окормлявшего общины духовенства, в том числе епископата, православные верующие Карелии считали, как и в доинодальный период, а согласно недавним исследованиям, и на протяжении XVIII в. [6, с. 101–106, 158], их выборы на общих собраниях всех заинтересованных приходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М., 2002. С. 129–605.
2. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подг. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1998. Кн. 2.
3. Олонецкая епархия: Страницы истории / сост. Н.А. Басова, Т.А. Варухина, Ю.Н. Кожевникова и др. Петрозаводск, 2001. С. 28–30.
4. Басова Н.А. К истории возникновения обновленческого раскола в Карелии (1922–1924 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (Народ и власть: Проблемы взаимоотношений. 80-е гг. XVIII–XX в.). Петрозаводск, 2005. С. 83–88.
5. Галкин А.К. Евфимий (Лапин Евгений Николаевич) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVII. С. 417–418.
6. Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999.

¹⁷ Там же. Л. 53, 50, 49.

¹⁸ Там же. Л. 51.

¹⁹ Там же. Л. 59–57 об.

²⁰ Статья 73 Уголовного кодекса РСФСР того времени гласила: «Измышление и распространение в контр-революционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, карается – лишением свободы на срок не ниже шести месяцев. При недоказанности контр-революционности означенных действий, наказание может быть понижено до трех месяцев принудительных работ» (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР: Отдел первый. 1922. № 15. С. 211).

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 60.